

ЧАСТЬ 1

МЕРЯНСКИЙ ЯЗЫК

Керамическая посуда и бронзолитейные льячка и тигель из фондов ГУК КГИАХМЗ.
Поповское городище (Мантуровский р-он Костромской обл.) 2 пол. 1 тыс. н.э.

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Предлагаемое исследование посвящено возможной ныне реконструкции мертвого и бестекстного мерянского языка, принадлежащего к финно-угорской семье. Мерянский язык в разрозненных сохранившихся элементах полностью растворен в русском языке, преимущественно на территории своего былого распространения. В связи с этим его изучение предполагает как распознавание и сбор всех сохранившихся остатков языка, так и выяснение их исходной формы, а тем самым – реконструкцию восстанавливаемых фрагментов языковой системы в ее исконных и заимствованных элементах. Усилия, сделанные в этих направлениях, будучи до сих пор разрозненными и малоинтенсивными, дали сравнительно небольшое количество фактов, поэтому большую часть мерянского материала еще только предстоит собрать и исследовать. Результаты, полученные в немногочисленных исследованиях, посвященных мерянскому языку, не всегда и не во всем убедительны и требуют в связи с этим проверки. Тем не менее материал, предположительно связанный с мерянским языком, – исследовавшийся в работах Т.С.Семенова [82, с. 229-249], М.Фасмера [158, с. 351-418], О.В.Вострикова [15; 16] и собранный в диалектных словарях и списках диалектных и арготических слов с постмерянской территории или хранящийся в карточках диалектных словарей, – достаточно велик, чтобы только на его основании составить представление о мерянском языке и попытаться реконструировать его на всех уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом, фразеологическом.

Задача данного исследования – дать подобное описание языка, опираясь как на наиболее достоверные мерянские данные, полученные уже предшественниками, так и на те не использованные ими языковые факты, которые в качестве мерянских представлялись автору. Ввиду того, что реконструктивное описание мерянского языка могло строиться только на основе критически проверенных фактов, а это требовало особо тщательного обследования каждого из них, количеству следовало предпочесть качество. Этим объясняется то, что даже данные, привлекавшиеся из исследований, использовались только в той части, которая смогла быть подвергнута критическому анализу. Такой строгий подход к мерянскому материалу диктовался особой сложностью его истолкования и необходимостью с самого начала по возможности избежать ошибок при воссоздании системы языка.

Максимальная достоверность проведенного исследования представлялась особенно необходимой также в связи с желанием вызвать интерес к изучению мерянского языка, показать его перспективность, лучшим доказательством чего могла служить только убедительность результатов реконструкции.

При всем стремлении к достоверности предложенного объяснения мерянского языкового материала автор сознает возможность отдельных недостаточно бесспорных истолкований рассмотренных фактов, вызываемых сложностью и неразработанностью затронутых вопросов, и будет благодарен за все замечания, способствующие уточнению его положений и выяснению научной истины.

* Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность заведующему кафедрой русского языка Костромского пед. ин-та¹ канд. филол. наук Н.П.Киселевой и сотруднице этой кафедры канд. филол. наук Н.С.Ганцовой, директору Костромского историко-архитектурного музея-заповедника канд. ист. наук В.С.Соболеву, проф. Г.Г.Мельниченко², заведующему кафедрой русского языка Ярославского пед. ин-та³, проф. Ф.П.Сороколетову, заведующему сек-

тором словарей Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, любезно предоставившим ему в 1979-1982 гг. возможность ознакомиться с материалами карточек «Костромского областного словаря», архива Костромского научного общества, «Ярославского областного словаря», «Словаря русских народных говоров», использованных в его книге.

Текст данного издания воспроизводит в основном без изменений текст книги О.Б.Ткаченко «Мерянский язык» (Киев, «Наукова думка», 1985, 208 с.). Исключение составляет глава «Фразеология», подготовленная автором для указанного издания, но не включенная в него и публикуемая сейчас впервые.

¹ В настоящее время – Костромской государственной университет (прим. ред.)

² 1907-1994 гг. (прим. ред.)

³ В настоящее время – Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (прим. ред.)

ВВЕДЕНИЕ

Мерянский (друс. *мер(ь)ский*), ныне мертвый, финно-угорский язык в период наибольшего распространения занимал, очевидно, территорию современных центральных областей европейской части РСФСР – (полностью) Ярославской, Ивановской, Костромской, (частично) Калининской (Кашинский р-н), Московской (за исключением юго-западной части), Владимирской (к северу от Клязьмы и отчасти к югу от нее, за исключением земель муромы, другого финно-угорского племени, у впадения Клязьмы в Оку) [22, с. 38; 108, с. 136; 92, с. 81-82; 132, с. 146]¹. Соседями мери до распространения на соседних землях восточных славян были с юго-запада балтийские племена, в частности голядь, с запада и северо-запада – вепсы (друс. *весь*), одно из древнейших прибалтийско-финских племен. С севера земли мери граничили с землями заволоцкой чуди, видимо, также прибалтийско-финской этнической группы, хотя и не вполне установленного состава [70, с. 71-72]. С северо-востока мерянская этническая территория, видимо, соприкасалась с областью пермских племен, скорее всего предков коми [83]. С востока с мерей граничили марийцы; а с юга – мордовские племена: мурома и, возможно, мещера. Позже западными соседями мери стали восточнославянские племена – кривичи, новгородские словене и вятичи, с рубежа X-XI вв. начавшие проникать на мерянские земли. Если первоначально область мери была почти со всех сторон, кроме запада, окру-

¹ Не исключено, что и вне этой территории, компактно заселенной мерей, в частности к северу от нее, имелись группы носителей мерянских диалектов или близкородственного мерянского языка, о чем говорят топонимы типа р. *Вёкса*, р. *Ягрыш* (Вологодская обл.), *(Солом)бала* (Архангельская обл.), близкие к распространенным на бывших несомненно мерянских землях. Однако ввиду полной неизученности этого вопроса, как и вопроса о части мери, по преданию, переселившейся, избегая христианизации, к марийцам [46, с. 30-31] или мордовцам [80, с. 103] и, видимо, здесь ассимилированной, в данном исследовании они не рассматриваются.

жена землями родственных финно-угорских племен, то со славизацией муромы, мещеры, соседней с мерей части вепсов и заволоцкой чуди и с расселением славян на мерянской этнической территории меря, за исключением крайнего востока, оказалась в славяно-русском² окружении в виде отдельных, все более разобщаемых мерянских «островов». Постепенное растворение мери в славяно-русском языковом окружении, связанное с ее ассимиляцией, привело к ее полному исчезновению как отдельного финно-угорского этноса и к слиянию мери с формирующейся на ее бывших землях частью (велико)русской народности.

Археологические данные современной науки позволяют считать возможным образование мери в отдельное финно-угорское племя (группу племен) на своей исторически засвидетельствованной территории уже в I тыс. до н.э. [39, с. 312-314]. Непосредственными предшественниками мери были, очевидно, индоевропейцы, представители так называемой фатьяновской культуры, вытесненные и ассимилированные пришедшими с востока финно-уграми, предками мери [48]. Включение в состав этой части финно-угров (протомери) индоевропейцев-фатьяновцев могло способствовать их окончательному обособлению от других финно-угорских племен. Первое историческое упоминание о мере готского историка Иордана (VI в. н.э.), где меряне (*Merens* «мерян») [37, с. 150] упоминаются среди племен, плативших дань готскому королю Германириху, несомненно свидетельствует о существовании в это время мери как отдельного финно-угорского племени. Следующие упоминания о мере относятся уже к IX-X вв. и появляются в древнерусском историческом источнике – «Ипатьевской летописи», где

² Понятие «славяно-русский» (сокращение более точного «(восточно)славяно-(велико)русский») служит общим наименованием для обоих исторически взаимосвязанных языковых (и этнических) образований – местных говоров языка древнерусского и развившегося из него (велико)русского языка (и соответственно их носителей – части восточных славян и развившегося из них (велико)русского народа).

о ней сказано как о союзнике восточных славян – в связи с собиранием дани варягами с древнерусских и соседних с ними племен (859 г.), по поводу походов Олега на Киев (882 г.) и на Царьград (907 г.), в которых наряду с варягами и восточными славянами принимала участие и меря [38, с. 16, 17, 21]. В другом древнерусском летописном источнике о мере говорится как об особом этносе со своим языком, выделяемом на фоне других финно-угорских племен, известных в XI в. восточным славянам: «... а на Ростовском озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече в Волгу же, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морѣдва свой языкъ...» [51, с. 10-11]. На основании, в частности, того, что после X-XI вв. меря перестает упоминаться в древнерусских летописных сводах, в дореволюционных отечественных работах бытовало мнение, что к тому же периоду относится и полная ассимиляция меры восточными славянами [46, с. 63-64]. Это мнение, встречающееся иногда и в некоторых зарубежных работах даже в 60-х годах 20-го века [132, с. 145], в свете исследований советских историков следует признать устаревшим. Данные этих исследований, опирающихся на не использованные ранее исторические источники, показывают, что и после событий IX-X вв., упомянутых в Ипатьевской летописи, меря еще долго существовала на своих землях, куда с X-XI вв. стали проникать восточные славяне [22, с. 5]. В целом ряде мест своего проживания меря сохраняла этноязыковой облик еще в XV-XVI вв. [108, с. 135-137], а на наиболее периферийных (восточных) территориях и в лице отдельных групп или лиц, носителей языка, – возможно, и в XVII в. [108, с. 136] и даже в начале XVIII в. В пользу этого говорит упоминание административного понятия «Мерский» (стан) в документе середины XVIII в.: «Георгиевская (церковь. – *О.Т.*), что в Мерском» [108, с. 137].

Достоверные сведения современной советской исторической и археологической науки полностью подтверждают мысль о мирном проникновении славян на мерянские земли, высказанную еще В.О.Ключевским: «Происходило заселение, а не завоевание или вытеснение туземцев» [41, с. 295]. Это было связано как с редкостью мерянского населения, позволявшей славянам занимать многочисленные пустовав-

шие земли, так и с различием в занятиях мерян (преимущественно скотоводов, охотников и рыбаков) [22, с. 129] и славян (преимущественно земледельцев). Обе группы населения в низших и средних слоях как бы дополняли друг друга, постепенно срастаясь в единое социально-экономическое целое. Видимо, такое же срастание происходило и в социальных верхах Владимиро-Суздальской Руси: мерянская знать сближалась со славяно-русской, образуя вместе с ней господствующие слои княжества. Единственное известное истории крупное восстание (1071), охватившее мерянское население, как справедливо полагает современная наука, вызывалось имущественным и классовым расслоением в мерянской среде, а не каким-либо славяно-мерянским национальным антагонизмом: «Нет никаких данных в пользу того, что восстание местных смердов было направлено против русских феодалов» [108, с. 141]. Восстание вызвало, по местному преданию, переселение части меры к родственным марийским [46, с. 30, 31] или мордовским [80, с. 103] племенам, где она впоследствии ассимилировалась. Очевидно, мирный характер славянского проникновения в мерянские земли относится к сфере как социально-экономических, так и культурно-языковых отношений. Помимо косвенного свидетельства, которое можно усматривать в длительности сохранения мерянского этнического элемента на данной территории, имеется и прямое, говорящее о том, что хорошее владение мерянским языком в конце XI в. расценивалось как обстоятельство, достойное упоминания в житии крупного церковного сановника, первого ростовского епископа Леонтия, очевидно, в связи с успешным использованием мерянского языка при христианизации меры: «Се бѣ блаженный и костянтина града ражай и въспѣтаніе русскій же и мерьскій языкъ добръ умѣяше книгамъ роускимъ и гречьскимъ велми хитрословесенъ сказатель» [32, с. 11]. Упоминание в житии мерянского языка вместе с русским, наряду с русскими и греческими книгами, говорит о том, что в знании этого языка усматривалась довольно высокая ценность, видимо, обусловленная его ролью во Владимиро-Суздальском княжестве, тогда еще этнически смешанном славяно-мерянском крае. Так не могли относиться к языку созна-

тельно игнорируемому, тем более преследуемому. В более поздний период, когда в связи с ростом славяно-русского населения и частичной ассимиляцией мери количество мерянского населения уменьшилось и оно располагалось отдельными «островами», «районы, населенные мерей, были выделены в специальные территориальные единицы (Мер(ь)ские станы. — *О.Т.*). Таким образом, мерянские «острова» получили в свое время, так сказать, официальное признание» [108, с. 135]. Данные факты не оставляют сомнения в том, что положение мерян во Владимиро-Суздальской (> Московской) Руси не напоминало положение угнетенного племени. Скорее, оно было похоже на положение юридически и социально равноправного этнического элемента, сначала союзников, а затем сограждан одного из наиболее могущественных княжеств Киевской Руси, ставшего центром Русского государства и формирования (велико)русской народности (> нации). Если в дальнейшем здесь не обнаруживается меря как отдельный этнический элемент, как, впрочем, и славянские племена, проникавшие сюда, — новгородские словене, кривичи и вятичи, а выступает монолитное ядро новой отдельной славянской (велико)русской народности, то причину следует искать в обстоятельствах объективно сложившегося процесса экономической и этноязыковой консолидации, протекавшего здесь. Мирно сложившийся и развивавшийся симбиоз привел к срастанию славяно-русской и финно-угорской частей в одно этноязыковое единство с перевесом славян, что явилось предпосылкой дальнейшей постепенной славизации мерянского населения. Важными причинами, обусловившими именно такое направление ассимиляционного процесса, были количественный перевес славян над местными финно-уграми и более высокий уровень их экономики, социального строя и культуры по сравнению с мерей [108, с. 116, 154]. Эти вполне объективно действовавшие причины сопровождалась уходом славян из южных древнерусских областей, подвергавшихся в XI-XII вв. жестоким ударам кочевников. Славизация мерян могла быть особенно усилена последствиями золотоордынского нашествия, вызвавшего массовый уход славяно-русского населения на здешние земли и надолго отрезавшего мерю от родственных финно-угорских наро-

дов Поволжья и Приуралья, связи с которыми в былом могли поддерживать и питать здешнюю финно-угорскую культуру.

К числу до сих пор не выясненных принадлежит вопрос о происхождении и значении самого этнонима «меря». Исходя из его сходства с самоназванием марийцев «мари», финский ученый А.Кастрен высказал предположение, что этноним «меря» возник из этнонима «мари» ввиду особой близости мери к марийцам как видоизменение в устах славян [128, с. 16]. Его поддержали позднее Т.Семенов [82, с. 228, 229] и М.Фасмер [110, т. 2, с. 606], придерживавшиеся, как и А.Кастрен, мнения об особой близости мерянского языка к марийскому и считавшие его близкородственным марийскому, если не одним из его диалектов, что было в дальнейшем отвергнуто так же, как и мысль о близости указанных языков. Предположение А.Кастрена неприемлемо хотя бы потому, что этноним «меря» зафиксирован в близкой к нему форме *Merens* (готская форма вин.п. мн.ч., то есть «мерян»), очевидно, на основе дмер. **merä* «меря») у готского историка Иордана уже в VI в., задолго до каких-либо меряно-славянских языковых контактов. О древности этнонима свидетельствует и употребление его в форме *Mirri* в «*Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*» Адама Бременского [132, с. 147, 148], отражающей, скорее всего, его арабскую передачу, где при ограниченности вокализма (*ā*, *ī*, *ū* возможно было только подобное воспроизведение исходного дмер. **merä*). При известной логичности не является вполне убедительным также взгляд А.Л.Погодина [148, с. 326] и Ю.Мягистэ [147, с. 114-116], сблизивших этноним «меря» с ф. *meri* «море; диал. (большое) озеро» в связи с обитанием части мери у больших озер: Неро (Ростовского), Клещина (Плещевского) и Галичского. Вопрос о происхождении названия «меря» остается нерешенным не только из-за недостаточной убедительности предложенных до сих пор объяснений, но и потому, что еще не выяснены два вопроса, без предварительного решения которых, как представляется, невозможно серьезно говорить о его этимологическом истолковании. До сих пор не ясно, является ли этноним «меря» самоназванием мерян (в целом или одного из мерянских племен) или так они были на-

званы одним из соседних народов. Название «меря», явно аналогичное ряду других финно-угорских этнонимов типа эрзя, мокша, вод. vad'-d'a «водский» (эст. vadja «то же», ф. vatja «водский язык»), требует объяснения со словообразовательной точки зрения. В свою очередь, решение этих вопросов нуждается как в углублении знания истории финно-угорских народов, так и в выяснении принципов словообразования финно-угорских этнонимов, где могут сохраняться особенно архаические структурные типы.

С вопросом о происхождении этнонима «меря» тесно связан вопрос о происхождении мерянского языка, его месте в семье финно-угорских языков, который также еще не нашел своего окончательного решения. Если принадлежность мерянского языка к финно-угорской группе никогда не вызвала особых сомнений³, то значительно сложнее было решить, к какому финно-угорскому языку (группе языков) он особенно близок. А.Кастрен предполагал особую близость мери и марийцев и их языков [128, с. 16]. Первая серьезная попытка подтвердить эту гипотезу, как и вообще изучить мерянский язык на основе его остатков, была сделана Т.С.Семеновым, учителем марийского языка при Казанской учительской семинарии, в статье «К вопросу о родстве и связи мери с черемисами», опубликованной в 1891 г. На основе сравнения 403 местных названий предполагаемого мерянского происхождения с марийскими словами и названиями Т.С.Семенов нашел, что «данные из языка и факты из быта и истории мерян и черемис... действительно допускают возможность очень близкого родства между этими народами» [82, с. 229]. В то же время он считал, что окончательно определить место мерянского языка среди других финно-угорских можно будет «только тогда когда меряне... по остаткам своего языка будут сопоставлены или сравнены со всеми народностями финского племени» [82, с. 229]. По стопам Т.С.Семенова в опубликованной значительно позже (1935) работе «Merja und Tscheremissen» [158, с. 351-418] шел фак-

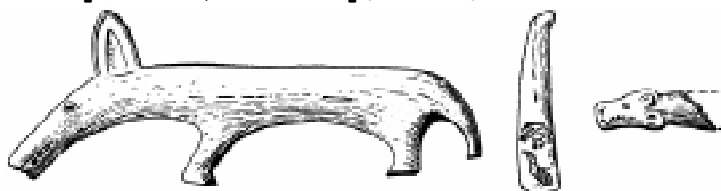
³ Здесь, конечно, не принимаются во внимание явно устаревшие взгляды, например Д.Ходаковского [118, с. 23], считавшего мерю «славянским племенем», а следовательно, и носителем славянского языка.

тически М.Фасмер, на основании более тщательно собранного и исследованного ономастического материала старавшийся доказать близость мерянского языка к марийскому. Относительная ограниченность привлеченных данных (только топонимы) и стремление во что бы то ни стало связать их лишь с марийским языком (например, в объяснениях по поводу названий *Кера* [158, с. 386], *Ура*, *Курга* [158, с. 392-393], *Тума* [158, с. 398], *Лочма/Лотьма* [158, с. 401]) привели М.Фасмера к выводу, что «должно быть допущено тесное родство мери и марийцев (черемисов)» [158, с. 411]. Неправомерность подобного вывода подверг критике финский исследователь П.Равила, считавший, что мерянский язык более обоснованно рассматривать в качестве связующего звена между прибалтийско-финскими и мордовскими языками [149, с. 25, 26]. Работа М.Фасмера, таким образом, не способствовала решению вопроса о положении мерянского среди финно-угорских языков. П.Равила, справедливо критиковавший М.Фасмера за односторонность и необъективность освещения языковых фактов, тоже не обосновал своего мнения конкретным исследованием мерянского языкового материала, но с этого времени, а отчасти и вследствие работ археологов, опровергающих тесную связь мери с марийцами [90, с. 124], гипотеза об особой близости мерянского языка с марийским была окончательно отвергнута [89, с. 179]. Учитывая взгляды предшественников и на основании результатов собственных исследований, А.И.Попов пришел к выводу о том, что «... несмотря на несомненные общности в словаре с другими финно-уграми ... меря (в языковом отношении) отличалась от марийцев, как и от мордвы и других финно-угров...» [70, с. 101]. Этот взгляд подтверждается и отрицательными результатами предшествующих попыток усмотреть в мерянском особую близость к какому-либо из финно-угорских языков, и явным своеобразием ряда меряnskих слов, о чем говорит А.И.Попов, — таких, как *урма* «белка», *яхр(е)* «озеро», *бол* «селение» и под. [70, с. 100, 101]. При всей его логичности этот вывод также нуждается в обосновании, поскольку подвергнутый исследованию материал предполагаемого мерянского

происхождения изучен недостаточно. Обращает на себя внимание однотипность этого материала: почти весь он относится к ономастике. Возможные мерянские элементы из диалектных апеллятивов и социолектов (арго) с бывшей мерянской территории до последнего времени не исследовались. Кроме того, почти никто из исследователей, кроме отчасти Фасмера, обратившего внимание на звуковую сторону мерянских включений в русском [158, с. 384], не вышел за круг чисто лексико-этимологических вопросов. Ученые, уделившие внимание мерянскому языку, в большинстве случаев ограничивались приведением списков названий предполагаемого мерянского происхождения, обосновывая их истолкование параллелями из других финно-угорских языков. Несколько расширить исследование попытался О.В.Востриков [15; 16], привлекая данные диалектных апеллятивов, в частности связанные с местной географической номенклатурой, что позволило ему найти ряд новых интересных мерянских включений в русских говорах. При всех несомненных достоинствах работ О.В.Вострикова их, однако, как и работы его предшественников, характеризует отсутствие системного подхода к предполагаемому мерянскому материалу. Это могло быть связано с тем, что исследуемая им территория (Волго-Двинское междуречье) была в прошлом населена носителями не только мерянского, но и других финно-угорских языков, и О.В.Востриков не ставил перед собой задачи специального исследования мерянского языка, его мерянские находки сделаны как бы попутно. Между тем мерянский, как и другие суб-

стратные языки, уже давно ожидает не отдельных случайных, хоть и интересных, работ, появляющихся через значительные промежутки времени, а целеустремленных, специальных исследований, где бы полнота и разнообразие материала сочетались с системностью и всесторонностью его рассмотрения. Возможность подобных исследований подготовлена всем предшествующим развитием финно-угристики, в частности возросшей изученностью смежных с мерянским финно-угорских – вепсского, мордовских, марийского, пермских – языков. Об их актуальности свидетельствует появление с 60-х годов целого ряда работ, посвященных финно-угорским субстратам в русском языке и принадлежащих отечественным и зарубежным ученым, в частности В.И.Лыткину [52], Б.А.Серебренникову [86; 88], А.К.Матвееву [58; 59], В.Т.Ванюшечкину [12], О.В.Вострикову [15; 16], О.Б.Ткаченко [98-101, 103, 104], В.Фенкеру [159], Г.Стипе [155]. Работа в области финно-угорских субстратов в русском языке, в частности мерянского субстратного языка, должна стимулироваться также социально-экономическими процессами – преобразованием природы, миграцией населения, переездом сельского населения в города и т.п., – которые ведут к исчезновению местных русских говоров, включающих в себя субстратные элементы.

Всё изложенное говорит о необходимости поторопиться как с фиксацией сохранившихся остатков мерянского языка, так и с их изучением, дающим возможность реконструировать его в допустимых пределах. Попыткой ответить на это требование современной науки и является настоящая работа.*

«Дьяковские» изделия
из кости и рога.

[22, стр. 133]

* Приступая к рассмотрению конкретного материала, представляющегося связанным с мерянским языком, нельзя не высказать предварительного замечания. Части читателей, возможно, покажутся нецелесообразными нередкие в книге повторения (по разному поводу) тех же финно-угорских фактов. Не лучше ли было бы сосредоточить их в одном месте, а затем к ним отсылать, что могло бы к тому же значительно уменьшить

объем книги? В чём-то эти читатели будут, конечно, правы, но только отчасти: в таком случае пришлось бы то и дело отрывать от чтения и заглядывать в то место книги, куда отсылают, занятие утомительное и неудобное. Этим, собственно, и вызваны эти представлявшиеся неизбежными повторения, которые дают зато возможность получить сразу же в нужном месте все необходимые сведения.